ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТЕЙ

- *Эпоха глобализации и проблема гуманистических ценностей*
- *Проблема диалога в современной культуре: социально-этические контексты*
- *Нравственные ценности эпохи постмодерна*

УДК 101.1:316.422:316.152

Эпоха глобализации и проблема гуманистических ценностей

Р. Адольфи, доктор философских наук, профессор (г. Берлин)*

В статье указывается на необходимость проведения дифференциации в контексте проблемы глобализации. Глобализация понимается здесь одновременно и как шанс, и как угроза по отношению к мышлению. Не задаваясь вопросами, кто проводник этой новой реальности, вследствие чего и каким образом она происходит, «глобализацию» следует рассматривать в качестве нового гиперсубъекта общественно-исторического процесса.

The Epoch of Globalization and the Problem of Humanistic Values

R. Adolphy, PhD in Philosophy, Professor (Berlin)

The article indicates the necessity of differentiation in the context of globalization problem. Globalization is understood both as a chance and a threat with respect to thinking. It is necessary to consider 'globalization' as a new hypersubject of public-historical process not inquiring who is the conductor of this new reality and what is the reason for it.

Общий взгляд на современность представляет собой в особой мере рефлексивное состояние осознания конца тысячелетия и необходимости подведения итогов, выраженных в различных теориях эпохальных перемен: «миллениумное сознание», постмодернизм, эпоха «конца истории», «утраты детства», периода после холодной войны, «новой геополитики», вырывающихся вперед развивающихся стран с переходной экономикой, международного терроризма, – всё это лишь внешние контуры ее восприятия. Содержательно существует два поля, в которых он направленно кристаллизуется: в отчеканенной с помощью генной инженерии и интеллектуальных научных исследований выразительности «нового человеческого облика» и в мнимом разрушении всего нашего существующего до сих пор старого культурного гуманистического самопонимания. И все это принадлежит продуктам глобализации.

Пока еще окончательно не решено, что есть «глобализация», какую роль играет этот феномен для мышления. Несомненно лишь, что это некое «*Что*». Глобализация, без сомнения, является также существенным вызовом, не только в связи с ее реальными проявлениями, подталкивающими нас к границам прогресса и к границам управляемости вообще. Глобализация – это также и радикальная проверка нашего этического и политического дискурса на правильность. Возникший в течение самого кратчайшего времени планетарный горизонт, как кажется, сотворил новую действительность, которая нуждается в стандартизации и максимально возможной при этом регламентации. И одновременно, кажется, ставится под сомнение соответствие вершине достигнутого уровня фактичности существующих до сих пор, укоренившихся гуманистических ценностей и базирующихся на социальном основании *ratio* общественных норм, и вообще всех наших привычных законно реализованных ценностных ориентаций и нормирующих структур, а также духовных и социальных достижений и традиций. Таким образом, этот планетарный горизонт взломал существующие до сих пор упорядоченные системы деятельности («страны», «общества», «культуры», «жизненные идентичности»), но пока оставил без внимания другие внешние факторы.

Глобализация – это понятие, отражающее совершенно новый процесс структурного изменения действительности в целом. Существуют его экономические, общественные, политические, циви-

* Перевод и редакция И. И. Ковгана и А. А. Легчилина.

лизационные проявления. Глобализация проявляет себя и практически, и теоретически.

«Глобализация» – достаточно свежий термин. А новые понятия в мышлении, по-видимому, всегда требуют определенного времени обращения с ними: апробирования, использования, переформулировки существующей до сих пор постановки вопроса, т. е. пока их содержание постепенно не прояснится. Их значения, возможности, а также границы, как и их проблематика, редко выступают знанием a priori. Это касается и понятия «глобализации» в различных ее аспектах.

Между тем минули полтора десятилетия разговоров о глобализации, хотя и пробивается осторожное осознание того, что высказывания, в которых это новое понятийное образование стоит в позиции субъекта, часто уж чересчур естественно сходят с языка. «Глобализация имеет...», «Глобализация требует...», «Глобализация становится...», «Глобализация производит...», «Глобализация угрожает...», или также опосредованно: «Эпоха глобализации изменит...», «...принесет с собой...» и т. д. Без подобных высказываний невозможно представить себе как экономические, так и политические сообщения, газетные статьи или научные конференции. При этом в разговорах о глобализации имеется в виду нечто анонимное, что-то вроде *гиперсубъекта* исторического и общественного процесса. Перед глазами возникают перемены, которые всегда затрагивают сложные взаимоотношения единичных акторов (вплоть до отдельных государств) и больших процессов. В разговоре о глобализации исчезает в качестве тенденции необходимость вопрошать об этом структурном изменении: возможно ли оно, где и как, вследствие чего?

Дискурс о новой данности будет оставаться сомнительным разговором (исходя как из логических, так и из реальных, объективных причин), пока не будет проведено четкой дифференциации данного понятия. Изначально, и это оправданно, глобализация была и есть понятием индивидуального разумения. Впоследствии глобализация нашла свое отражение в публицистике, а также в тенденциях развития экономики и политики, в их описании через фиксируемые новые феномены объективно-общего, и уже оттуда как термин она попадает в теорию. Чем в большей степени теоретический дискурс, культурная и общественная эссеистика овладевали этим понятием, употребляли его, тем больше и чаще сталкивались при этом с опасностью использования этих своеобразных феноменов и моментов в качестве *субъекта* целого процесса развития. Поэтому не надо больше говорить о глобализационных изменениях, различных между собой в определенных областях. Вместо этого следует говорить о глобализации как таковой, так как это, исходя из логики и обоснования высказываний, на деле часто не что иное, как метафизическое историческое мышление, которое в философском смысле критиковал Карл Лёвит в работе «Meaning in History», или «историцизм» К. Поппера [1].

В глобализации универсализированное современностью коллективно-единичное понятие «История» [2] представляется действительно *реальным*, кажется лишь впервые ставшим объективным фактом. История функционирует при этом не только как универсальный горизонт происходящего и поле действия, но и как охватывающая земной шар и соответственно человечество одновременность и равновеликость сопоставлений друг с другом, обоснований друг через друга и приписываемых комплексов последствий. В общем виде она призвана сводить во всем, а именно в каждом конкретном случае: не-в-равной-мере-хорошее-до-лучшего, но до более эффективного и более успешного. Когда-то мышление генерировало идею, которая действительна для всех, применима ко всему, со-всем-соревнующаяся, идею всесторонней имманентности без всякого представления о последствиях, побочных действиях или неинтегрируемом, идею проницаемости и vis-a-vis в отношении данного конечного блага, соответственно ресурса и идеи того, что в большинстве своем (посредством *invisible hand*) равнялось на «разумный» прогресс. Феномены глобализации (эти бывшие теоретические идеи) лишь кажутся *действительным положением вещей*.

Непосредственно отсюда вытекают три концептуальных следствия. Во-первых – мера предосторожности: не поддаваться идее, кажущейся реальной действительностью, и общим критериям *теоретического* взгляда и не выбрасывать за борт испытанные *социально-научные понятия*: политическая власть, общество, гражданское общество, экономика, картина мира, ценностные и идейные убеждения, которые глобализация не может так легко скрыть.

Второе следствие касается *обобщения, которого следует избегать* в историческом отношении. Тем не менее, проблему необходимо рассматривать таким образом, что глобализация представляет собой событие с длительной предысторией и состоит из многочисленных предшествующих этапов и, соответственно, сдвигов в ходе индустриализации. Возможно, данная проблема касается любого определения посредством строго позитивных внешних индикаторов (из таких сфер, как экономика, право, транспорт и другие), но в любом случае это означает совершенно новый потенциал, когда *решения и действия осуществляются* в глобализационной перспективе и когда это (понятным или справедливым образом) оговорено. Если же

глобализацию понимать и тематизировать как действие, которое представляет собой вершину назревавшего более двух столетий переворота общественного порядка, то описание феномена специфицируется как критическая рефлексия относительно любого вопроса о ценностных и нормированных аспектах, а также вопроса о необходимых выводах для адекватной теоретической концепции.

И в-третьих, требуемое очерчивание положения дел хорошо способствует тому, чтобы исходить из трактовки *конкретных глобальных изменений*. И в первую очередь надо установить те изменения, которые позволяют раскрыть саму проблематику и проблемный опыт, и в особенности те изменения, которые заново и в обостренной форме поднимают вопрос о ценностях и нормах (новое сознание времени). К данной проблеме следует подходить осторожнее.

Процесс глобализации многосторонен. Глобализируются не только процессы производства, сфера услуг, финансовые рынки, интернациональные политические акции, но также и информация, цивилизационные и технические достижения и прочие проявления повседневной культуры социума: от одежды и питания (фаст-фуд, кока-кола...) до музыки и языка (англицизмы, впрочем, как и создание общего языка посредством радио и телевидения). Разумеется, появляются и совершенно иные феномены: региональные конфликты и возникающие вследствие их миграционные движения, а также заболевания, жизненные условия, естественная среда и общая экологическая обстановка.

Изменения во всех сферах необратимы и набирают скорость. Это не только количественные, но и радикальные качественные изменения. Однако это *«Что?»* уж точно не проявляет себя всюду одинаково и вообще не является неким великим свершением. То, что выступает в виде процесса глобализации и выражения фундаментальных изменений, в чем обретается последующая проблематика, посредством чего осуществляется этот процесс и чем он питается, – все это имеет собственную структуру. На самом деле все это не обязательно проблематизировать. Едва ли в качестве проблем следует рассматривать, например, глобализацию информации, получаемой при помощи спутникового телевидения, радиотелефонов и Интернета, или возможность съесть (если есть желание) пиццу в Пекине или (при наличии средств) вылечить пенициллином болезнь в Южной Африке.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что в связи с глобализацией и возникающими из-за глобальных изменений проблемами существующие до этого стандарты человеческого сообщества и способы нормирования будут противопоставлены уже прижившимся *возможностям* иного рода. В этом контексте с расширением горизонта все локально значимое, все неоспоримо царившее и наработанное до этого сталкивается с определенным отчуждением или вынуждено подтверждать свою состоятельность.

В связи с глобализацией под вопросом оказывается все наше прошлое мышление и осмысленность общества, морали и политики, а также модели и идеальные представления, с помощью которых мы понятийно схватывали до этого «действия», общественные «институты» и рациональные «нормы». Относительно единые структуры, в которых мы когда-то ориентировались, и то, на чем в основном базировались нормативно интегрированные связи, вдруг оказываются все более спорными. Две проблемы нормативных основ современных сообществ с появлением глобализации вновь выступают своеобразным манифестом против фикции общества как повсеместно закрытой взаимодействующей структуры (по модели «организма»), т. е. общество предстает в дальнейшем значении как открытая система; и против идеи самоуправления, не только социально-технологического и «административного», но прежде всего самоуправления по «оценочным» принципам «хорошей жизни» и «республики», т. е. здесь проходит граница вмешательства. И то, и другое – это два существенных пункта, с которых начинаются и определяют себя современные «гражданские» общества, интегрированные с помощью экономических процессов и действующих норм, и которые сегодня опять манифестируют себя в качестве проблем. Действительность и действительный опыт глобализации обозначают не что иное, как границы возникшей в новое время идеи общественной рациональности. За комплексным феноменом глобализации, в связи с изменениями, которые за ней стоят, изменениями, которые фигурируют под данным понятием, неизбежно возникают в обостренной форме старые вопросы о том, чем собственно *являются* этика, экономика, государство, право, справедливость.

Факт глобализации вместил в себя и очертил взаимопроникающие, корректирующиеся, противоречивые арены действия, а также и ясность этих действий. Мы получили богатый опыт столкновения с, казалось бы, анонимно проникающей, необозримой силой, опутывающей наши действия и наш жизненный мир, которая, свершаясь сродни фатуму, охватывает земной шар, – фактическими процессами без соответствующих инстанций и агентами без лица. Угроза состоит в том, что этот испытываемый гнет принял такие масштабы, что вместо просто упоминаемых механизмов, интересов, действующих акторов и локальных структур-

ных изменений, локальной ломки жизненных миров, локальных кризисов мы получаем картину необъятной, огромной силы судьбы, всепоглощающего, всепобеждающего рока, Ananke. Это потенциальная угроза *мышлению*. Опасность, заключающаяся в том, что обрушившаяся новая огромная реальность пересилит критическую рефлексию, реальность, которая сама при этом становится действующим и требующим субъектом. Это грозит такой ситуацией, в которой истоки (реальные причинно-следственные связи) и отблеск мысли будут заменены местами, а стороны перепутаны.

В борьбе с этим следует строго придерживаться разумного (как в историческом, так и в общественном плане) *описания* феномена: то, что стоит за заголовком «Глобализация», является также и вынужденной проверкой на то, как далеко мы можем зайти в отречении от своих оснований и культурных достижений, накопленных поколениями. А также насколько мы готовы отказаться от всего этого, чтобы наше социальное сообщество оставалось гуманным, сохраняло свой человеческий облик. Новые «ценностные» ориентиры, которые мы также пытались подогнать под факты глобализации, так и не стали собственно *новыми* ценностями. Речь идет о таких ценностях, как солидарность, ответственность, учет будущих последствий, понимание и терпимость по отношению к иному, прощение и т. д. Все это – хорошо известные *старые* ценности, которые были взяты из новоевропейского понимания государства и права, а также общества.

В этом отношении опыт самого факта глобализации проявляет себя и в том, что в момент, когда государство, право и общество не в состоянии больше воспринимать свои социальные задачи, обнаруживается цена функциональной дифференциации и характерной для современности сепаратизации в политике, экономике, правовом регулировании, морали, социальных связях и так далее. Упорядоченные социальные отношения и принципы возвращаются к укоренившимся в обществе ценностным ресурсам *других* сфер жизни для того, чтобы перенять или восполнить некогда провозглашенное (или обещанное) государством, правом и всем обществом: справедливость, мир, труд, социальную защищенность. Существуют, разумеется, и так называемые «немоментальные» ценности. Развитие глобализации приводит нас к такому положению дел, в котором для политических и общественных сфер становятся актуальными эти «несовременные» в отношении прогресса ценности.

Рефлексируя по поводу новой реальности и связанных с ней процессов, мы поддаемся соблазну мышления броситься в пучину осмысления вопросов о судьбе и роли новых ценностей. Назовем первичные и основные из них: (1) когда нечто жизненно важное, представляющее для меня ценность, оказывается недосягаемым; (2) когда актуальная ранее компетентность, вклю-чая цели и идеалы, *больше не находит себе примене-ния*, оказывается невостребованной; (3) когда цен-ные в культурном отношении практики обесцениваются; и когда из-за этого (4) деклассируются и деградируют целые общественные группировки и жизненные установки; (5) когда происходит радикальное смещение солидарности поколений и связанной с ними идентичности, вторжение новых данностей в преемственность старшего и подрастающего поколений, радикальное *демографическое давление селекции* – отторжение тех, кто «отстает (не выдерживает)»; (6) *ускоряющееся* разрушение всего полагаемого надежным и связующим, когда прочность ценностей, однозначность нормативных критериев размывается динамикой; и, наконец, (7) когда безликие процессы и обязательства, при которых «ценности» (неважно какие), кажется, *не играют вовсе никакой роли*, стано-вятся все более растяжимыми в пространстве и на-полненными иным содержанием.

Но если все это относится к важнейшей сфере человеческой оценочной способности и стремлению человека как ценностно-ориентированного существа к рассудительности и сознательности действий, то мы, разумеется, имеем дело с принципиально отличными процессуальными факторами.

В заключение позволим сделать последний принципиальный вывод. Коль скоро глобализация является, с одной стороны, проблемной действительностью, а также связанной с этими новыми изменениями, грозящими дегуманизацией сообществ, она является одновременно и шансом, и угрозой для *мышления*, для самопонимания нашей эпохи в исторической ретроспективе. Глобализация – это шанс под влиянием реальности начать мыслить серьезно и конкретно, и вместе с тем глобализация – это опасность слишком большой теоретизации и (эссеистической, публицистической) рефлексии глобальности. Однако не будь угрозы, не было бы и шанса. И это всегда было участью импульсов к размышлению.

Список цитированных источников

1. См.: *Löwith, K.* Meaning in History. The Theological Implications of the Philosophy of History / K. Löwith. – Chi-cago; London, 1949; *Popper, K. R.* The Poverty of Historicism / K. R. Popper. – London; Boston, 1957; *Popper, K. R.* The Open Society and Its Enemies / K. R. Popper. – Vol. 2. Lon-don, 1945 .

2. *Koselleck, R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten / R. Koselleck. – Frankfurt a. M., 1979; в особенности: «Über die Verfügbarkeit der Geschichte». Ibid. – S. 264–277.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.12.09 г.